

Научная статья
УДК 81'373.21
doi: 10.17223/19986645/99/6

Переименование улиц в населенных пунктах Калининградской области

Ольга Викторовна Петешова¹

¹*Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
Калининград, Россия, opeteshova@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности послевоенной реноминации улиц в населенных пунктах Калининградской области. Подробно анализирует шесть способов согласования немецких и русских региональных урбанонимов. Констатируется произвольный характер отбора способов согласования названий улиц, среди которых лидирует идеологическая антонимия. При последующем сопоставлении основных лексико-семантических классов исходных и новых урбанонимов между ними были выявлены четыре сходства и три различия. Отмечается совпадение в степенях идеологизации двух задействованных урбанонимических систем.

Ключевые слова: переименование, топоним, урбаноним, идеологическая антонимия, переосмысление, мемориальный топоним, Калининградская область

Для цитирования: Петешова О.В. Переименование улиц в населенных пунктах Калининградской области // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2026. № 99. С. 119–136. doi: 10.17223/19986645/99/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/99/6

Renaming of streets in settlements of the Kaliningrad Region

Olga V. Peteshova¹

¹*I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, opeteshova@yandex.ru*

Abstract. The aim of this article is to identify the linguistic features of mass post-war street renomination in large populated areas of the Kaliningrad Region. Following a brief description of renaming as a linguistic phenomenon, its possible causes, and aspects of study, the extralinguistic conditions of regional renamings are examined in the context of similar renamings during the stage of cult toponymy. Subsequently, the author conducts a detailed semantic analysis of 1000 acts of primary renomination of regional urbanonyms, selected from relevant decisions of district civil affairs departments and cartographic sources. Particular attention is paid to the 333 renominations that were carried out taking into account the form or semantics of the original geographical names. It was found that the main methods of aligning East Prussian and Soviet urbanonyms are ideological antonymy in its full and partial forms,

as well as full and partial translation. In addition to these, identical thematic correlation, associative naming, metonymic correlation, and reinterpretation are used with varying frequency to align urbanonyms. It is noted that all these methods, with the exception of reinterpretation, rely on the semantics of German-language units, and the very selection of methods for aligning urbanonyms is almost always arbitrary in nature, which is most clearly observed when renaming streets whose names are part of nomination ensembles. In a subsequent comparison of the main lexico-semantic classes of original and new urbanonyms, against the background of relative coincidence in the sets of motivating features, certain differences were identified in the extent to which such features are represented. Only the absence on the original maps of the area of names for urban objects referring to significant symbols of communism should be considered substantial. Furthermore, four notable similarities were established, for example, the prevalence of oikonym-derived names, nominations based on a nearby structure or the function of the street, as well as an equal number of commemorative urbanonyms in both samples (337 units), which before renaming were dedicated primarily to pre-Nazi figures of German culture, and after renaming came to immortalize not only the names of Soviet people but also ideologically close foreigners. As a result of the study, a quantitative coincidence in the degree of ideologization of the two urbanonymic systems involved (just over 55%) and a general inconsistency in the implemented renamings are noted.

Keywords: renaming, toponym, urbanonym, ideological antonymy, reinterpretation, commemorative toponym, Kaliningrad Region

For citation: Peteshova, O.V. (2026) Renaming of streets in settlements of the Kaliningrad Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 99. pp. 119–136. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/99/6

Введение

Одной из языковых систем, отражающих культурно-исторический опыт, традиции и миропонимание своих носителей, которые проживают на соответствующей территории, и при всей своей относительной стабильности обязательно изменяющихся во времени, выполняя социальный заказ использующего ее народа, является региональная топонимическая система. Она представляет собой организованный набор топооснов и формантов, а также способов их соединения друг с другом. Общеизвестно, что в ходе своего неравномерного развития любая топонимическая система проходит то через периоды постепенных, эволюционных изменений, то через этапы скачкообразных, революционных преобразований. К числу возможных трансформаций географических названий ономастологи традиционно относят не только сокращения, аббревиацию, склеивание, переосмысление, калькирование, фонетические и морфологические трансформации, но и официальные переименования [1. С. 77–83]. Переименования могут затрагивать практически все существующие классы топонимов, однако в настоящем исследовании в центре внимания находятся основные тенденции, действующие при преобразованиях в сфере калининградской урбанонимии.

Переименование как объект гуманитарных исследований

Под переименованием, или реноминацией, в лингвистике понимают процесс замены одного имени географического объекта на другое (новое или исконное) [2. С. 135] по итогам принятия специального нормативного акта органом исполнительной или законодательной власти [3. С. 197].

В настоящий момент ученые считают, что особую активность в плане переименований обнаруживают антропонимы, эргонимы, урбанонимы и ойконимы [4. С. 21], в то время как топонимы-названия физико-географических объектов отличаются относительной стабильностью в интересующем нас плане [5. С. 139].

Причины переименований географических объектов, как правило, имеют экстралингвистическую природу. Например, в статье М. Лангенфельда перечисляются следующие причины подобного рода:

1. Объективное изменение характеристик объекта, подлежащего переименованию (в частности, уничтожение роши или возведение на улице крупного строения).

2. Смена языкового состава местных жителей в связи с переселениями, войнами или природными катастрофами.

3. Предпочтение более престижных имен из-за политических, религиозных или идеологических трансформаций в стране, в которой расположен соответствующий объект [6. С. 160].

Во втором и третьем случаях переименования свойственны спорным с точки зрения их государственной принадлежности территориям и служат их культурному «закреплению» в новых границах [7. С. 102]. В этом контексте социологи пишут о переименовании как распространенном инструменте социального конструирования коллективной памяти, направленного на легитимацию актуальных концепций прошлого в конкретном регионе [8. С. 82].

Наряду с экстралингвистическими причинами топонимических переименований, исследователи называют серию собственно языковых мотивов, в частности, избавление от диалектных особенностей региональной топонимии или использование более продуктивной в данной местности словообразовательной модели топонима [9. С. 66]. Кроме того, в лингвистике упоминаются возможность нейтрализации неприемлемых стилистических черт существующих названий [2. С. 135], предпочтение легко произносимых лексических единиц [10. С. 269] и устранение одноименности различных географических объектов, поскольку любая онимическая система успешно функционирует лишь в случае отсутствия в ней совпадающих или частично похожих по звучанию названий [3. С. 129].

В связи со вторичностью лингвистических причин переименований неслучайным становится доминирование среди посвященных им трудов научных работ историко-политического толка, в которых проводится периодизация переименований в мире, рассматриваются конкретные кампании по реноминации географических объектов и формулируются рекомендации по их ономастически приемлемой реализации на практике [11. С. 11]. Кроме

политической составляющей, теория переименований может иметь экономический уклон, сопряженный с необходимостью финансового обеспечения процедуры переименования и закрепления новых названий [12. С. 101].

Наконец, третьим и самым важным для нас направлением научного изучения переименований является собственно лингвистическое направление [12. С. 100], ориентированное на анализ особенностей вхождения новых названий в существующую топонимическую систему с соблюдением норм используемого национального языка. Так, по утверждению Ю.М. Шемчук, полное и быстрое вытеснение исконной топонимии происходит крайне редко. Обычно сначала два топонима равноправно сосуществуют в языке, конкурируя между собой [13. С. 83], но даже при полном своем внедрении новая единица длительное время сохраняет своеобразную остаточную память о тех обстоятельствах, которые связаны в сознании представителей задействованной лингвокультуры с исходной единицей, т.е. носит некий палимпсестный характер [14. С. 184].

Некоторые лингвисты уделяют определенное внимание способам согласования между исходными и новыми топонимами при переименовании. Так, в работе С.А. Никитина предлагается рассматривать два типа преемственности, возможной при введении новых географических названий в пределах одного национального языка: морфологическую, которая предполагает повторяемость словообразовательных элементов, и лексико-семантическую, при которой исходное название меняется лишь частично за счет замены одного из компонентов номинации, его добавления или опущения [15. С. 14]. Л.Е. Кириллова и М.А. Семенова при характеристике согласований заменяемых топонимов выходят за пределы отдельного национального языка и изучают трансформации, возможные при любом включении иноязычного топонима в систему языка-преемника. Охарактеризованные в их статье транслитерация, приспособление к новым нормам произношения, добавление или опущение элементов, перевод и переосмысление на основе ошибочного понимания исходной единицы могут быть реализованы при массовых переименованиях географических объектов, вызванных сменой языкового состава местного населения [16].

Переименования географических объектов Калининградской области

Переименования населенных пунктов, природных объектов и улиц осуществлялись в российской и европейской практике на всех этапах функционирования наличных топонимических систем. В частности, на этапе «культурной топонимики», охватывающем 1927–1957 гг., новые имена присваивались географическим объектам Советского Союза в зависимости от политической конъюнктуры [17. С. 221]. Переименования осуществлялись с легкостью и почти исключительно на идеологической платформе, которую формировала советско-партийная номенклатура, связанная с общественной ответственностью на средства производства и классовым подходом к оценке исторических фактов и явлений [18. С. 54].

В рамках этого этапа после Великой Отечественной войны для символического подкрепления консолидации общества были массово заменены географические названия на присоединенных к СССР территориях: на Карельском перешейке (в бывшей части Финской Карелии), на юге Сахалина, который ранее находился под управлением Японии, и в Калининградской области (бывшей Северо-Восточной Пруссии) [19. С. 86], которая стала частью Советского Союза по решению Потсдамской конференции.

Несмотря на утверждения ряда немецких исследователей, в частности В. Фробарта о калининградских переименованиях как о «пожалуй, самом очевидном преобразовании по типу советизации в Центральной Европе» [20. С. 11], сегодня считается, что после образования области новым правительством региона была проведена его тотальная русификация, включающая в себя три взаимосвязанных элемента: полную замену населения, интеграцию в политическое пространство РСФСР и переименование всех местных географических объектов [21. С. 2].

Целью этих массовых реноминаций стали изгнание прусского духа через вычеркивание из сознания нового населения Калининградской области топонимических напоминаний о прошлом региона и одновременно внушение переселенцам идеи о том, что соответствующие земли навсегда перешли к России [22. С. 103].

По мнению калининградских историков, указанная кампания по реноминации географических объектов происходила абсолютно стихийно [23. С. 23]. Переименования населенных пунктов бывшей Северо-Восточной Пруссии были полностью проведены за 1946–1950 гг. При переименовании городов области решения по выбору новых географических названий принимались на уровне Совета министров СССР, который формально запрашивал предложения Кенигсбергского областного управления по гражданским делам, но во многих случаях рассматривал их весьма критически [24]. При переименовании менее крупных населенных пунктов с инициативой выступали специальные комиссии, которые формировались районными властями и включали в себя представителей местной власти, коммунальной сферы, творческой интеллигенции и трудящихся. Они должны были выработать предложения по новым названиям, максимально понятным новоселам [25].

Мнение ученых по поводу допустимого характера переименований практически не учитывалось инициаторами кампании по переименованиям. Единственным исключением стал литовский профессор П.И. Пакарклис, который предложил трансформировать топонимы древнепрусского и литовского происхождения в соответствии с нормами русского языка [26. С. 104]. В итоге руководство страны, не отрицая литовскую основу целого ряда топонимов, посчитало, что поскольку большую часть населения Калининградской области составляют носители русского языка, то целесообразно при переименовании выбирать такие названия, которые имеют значение в русском языке [27. С. 251].

Что касается переименования природных объектов типа водоемов, лесов, урочищ и различных форм рельефа, то в Калининградской области почти

все имеющиеся на картах природные объекты получили новые имена, и об экстралингвистических обстоятельствах этого процесса историкам практически ничего не известно.

До настоящего времени калининградские реноминации оценивались в научных кругах достаточно негативно. Как утверждают европейские исследователи, советские власти манипулировали сознанием новых жителей присоединенных земель с целью закрепления права на владение новыми территориями [28. S. 76]. В некоторых работах именно этой целью объясняется произвольный отбор новых наименований населенных пунктов [29. P. 2], нарушающий традиционные требования ономастики к их «культуросохраняющей роли» [30. S. 100].

Об изучении региональных географических названий в окололингвистическом ключе сегодня можно в той или иной мере говорить лишь применительно к переименованиям топонимов города Калининграда. Местным краеведом А.Б. Губиным составлены списки переименованных рек и водоемов столицы края [31]; районов и поселков в черте города, новые названия которых мотивированы преимущественно географическими и территориальными признаками [32. С. 180]; а также калининградских улиц. В последнем случае автор работы делает единственное краткое замечание, имеющее отношение к языковым особенностям осуществленной реноминации, согласно которому при явном желании избавиться от немецкого прошлого инициаторы переименований при их проведении иногда следовали принципу преемственности, осуществляя буквальный или ошибочный перевод отдельных немецких названий на русский язык или сохраняя в урбанонимах имена всемирно известных деятелей культуры [33. С. 146]. Таким образом, лингвистический анализ урбанонимов города Калининграда в настоящей работе проводится впервые. Отметим также, что переименование улиц в других населенных пунктах Калининградской области еще не становилось предметом научного анализа.

Согласованные переименования улиц в населенных пунктах Калининградской области

Для исследования калининградских реноминаций в сфере урбанонимии, проведенных в 1940-е гг., были отобраны 1000 пар географических названий, построенных по модели «исходный восточно-прусский урбаноним – новый советский урбаноним». Из них на картах бывшего города Кенигсберга локализованы 503 [34], а остальные взяты либо из приказов соответствующих Управлений по гражданским делам отдельных районов вновь образованной Калининградской области [35, 36], либо – если, как это имело место в большинстве случаев, в архивных документах информация такого рода отсутствовала – с планов конкретных населенных пунктов (как в ситуации с городами Гвардейском [37] и Полесском [38]) или из списков переименований, опубликованных в сети краеведами-любителями (как в случае

с городами Балтийском [39] и Черняховском [40]). Необходимо сразу уточнить, что во всех изученных документах закреплены результаты первого послевоенного переименования городских объектов, а позднее многие из учтенных нами при анализе советских урбанонимов подвергались повторным заменам, иногда даже в ходе неоднократных последующих реноминаций улиц [33], однако мы во всех случаях принимаем во внимание только первые официальные акты переименований.

При рассмотрении данных 1000 реноминаций изначально нужно было с опорой на довоенные карты местности выявить графический облик исходных названий, которые в официальных источниках всегда оформлялись с использованием кириллицы, а затем были установлены лексико-семантические признаки, положенные в основу отобранных урбанонимов. Как правило, для этого достаточно было элементарных знаний немецкого языка, но при необходимости привлекались дополнительные работы, в частности, по краткой истории довоенной Восточной Пруссии [41].

По итогам исследования выяснилось, что 333 переименования из этой выборки, или 33,3% всех региональных реноминаций улиц, являются согласованными, то есть учитывающими либо форму, либо семантику исходного урбанонима при выборе новых топонимических единиц.

При этом можно выделить шесть ключевых способов согласования немецко- и русскоязычных названий улиц и площадей, которые ранжируются по своей количественной представленности в материале настоящего исследования следующим образом:

1. Идеологическая антонимия (181 случай), под которой понимается замена урбанонима, несшего идеологию Северо-Восточной Пруссии, на урбаноним с идеологической окраской, характерной для топонимии Советского Союза. Зафиксированные нами идеологические антонимии делятся на две группы:

– полные (126 случаев), предполагающие соотнесение идеологически противоположных урбанонимов, принадлежащих к одной и той же лексико-семантической группе (например, в парах *Kleist-Straße* = улица Клейста → *переулок Лермонтова* и *Ernst-Wichert-Straße* = улица Эрнста Вихерта → *ул. Гоголя*, где все номинации увековечивают писателей – представителей различных культур);

– частичные (55 случаев), когда идеологически противоположные единицы относятся к разным лексико-семантическим группам. В частности, на месте урбанонима *Heinrich-Göring-Straße*, восходящего к имени знаменитого нацистского лидера, на карте города Советска появляется урбаноним *ул. Красноармейская*, закрепляющий значимый символ коммунистического государства, а на месте урбанонима *Wilhelmstraße* как посвящения прусскому императору – урбаноним *ул. Пионерская*.

Большинство исходных урбанонимов, для согласования которых с новыми урбанонимами была выбрана идеологическая антонимия (175 случаев), носят мемориальный характер, т.е. увековечивают значимых представителей немецкой культуры. Оставшиеся шесть урбанонимов либо являлись

идеологически неприемлемыми в советском государстве топонимами (*Kirchenstraße* = Церковная улица), либо были образованы от широко известных названий западноевропейских городов (*Berliner Straße* = Берлинская улица).

2. Перевод (93 случая). При применении данного способа согласования урбанонимов также можно говорить как о полном переводе (*Schulstraße* → ул. Школьная, *Ziegelstraße* → ул. Кирпичная), так и о частичном переводе, сопровождающемся добавлениями, опущениями или заменами компонентов географического названия (как в актах переименования *Poststraße* = Почтовая улица → ул. Старая Почтовая и *Soldatenweg* = Солдатский путь → ул. Солдатская).

Кроме того, в четырех случаях имеет место псевдоперевод, основанный на неверной интерпретации исходного урбанонима инициаторами переименования. Так, при переводе номинации *Buchenweg* = Буковый путь первый компонент немецкоязычной единицы *Buche* 'бук' напомнил советскому руководству распространенное немецкое слово *Buch* 'книга', в результате чего улица получила название Книжной. Еще один акт переименования *Lehrsstraße* = улица Лерса → ул. Учебная стал следствием ошибочной трактовки фамилии местного ученого, специализировавшегося на трудах Гомера, как основы немецкого глагола *lehren* 'обучать кого-либо'.

3. Одинаковая тематическая соотнесенность (38 случаев). Здесь речь идет о нередко случайном выборе в качестве нового урбанонима некоторой единицы, относящейся к той же лексико-семантической группе, что и исходный. Например, оба урбанонима из пары *Gartenstraße* = Садовая улица → ул. Лесная являются разными по своей семантике фитоформными топонимами, номинации из пары *Schützenstraße* = Улица стрельцов → ул. Артиллерийская образованы от различных терминов военного дела, а урбанонимы *Deimestraße* = улица Деймы (т.е. местной реки) → ул. Ключевая указывают на наличие поблизости определенного водоема.

4. Ассоциативное название (10 случаев), при котором по итогам перевода немецкого урбанонима подбирается не прямой его эквивалент, а некая лексическая единица, являющаяся синонимом этого эквивалента или связанная с ним через перенос значения. В частности, вместо улицы Пушечной на месте улицы *Kanonenweg* появилась улица Артиллерийская, а на месте улицы *Mühlenstraße* = Мельничная улица – улица Мукомольная (мельница может вызывать прямую ассоциацию с процессом помола зерна для муки).

5. Метонимическая соотнесенность (10 случаев, как и при предыдущем способе согласования). Чаще всего применительно к номинациям улиц подразумевается замена исходного урбанонима, образованного от восточно-прусского ойконима, новым урбанонимом, который восходит к новому названию того же самого поселения, как в парах номинаций *Königsberger Straße* = Кёнигсбергская улица → ул. Калининградская и *Gumbinner Straße* = Гумбинненская улица → Гусевское шоссе. Однако в материале нашего исследования есть и более сложные случаи метонимического переноса, напри-

мер, переименование *Insterburger Straße* → ул. *Черняховского*, где отойко-нимный урбаноним сменяется урбанонимом-посвящением тому выдающемуся человеку, в честь которого после реноминации был назван соответствующий город Инстербург.

б. Переосмысление (1 случай), при котором новый урбаноним обладает фонетическим сходством с исходным урбанонимом, но совершенно не связан с ним семантически. Единственным примером реализации этого способа согласования при переименовании улиц Калининградской области является акт реноминации *Otto-Parschau-Straße* = улица Отто Паршау → ул. *Парашютная*.

Выбор конкретного способа согласования совершенно не обусловлен теми или иными лексико-семантическими признаками исходных урбанонимов или экстралингвистическими условиями проведения реноминации. В качестве доказательства приведем пример переименования близлежащих улиц, названия которых на восточно-прусских картах складывались в ансамбли по сходству тех признаков, которые были положены в основу номинаций.

По непонятной причине многие урбанонимы из таких ансамблей, восходящие к названиям птиц, и почти все урбанонимы, образованные от названий цветов, несмотря на отсутствие идеологической нагрузки, не были согласованы через перевод, а сменились на советских картах несогласованными номинациями (примерами могут служить акты переименования *Finkenweg* = Дорога зябликов → ул. *Гончарова* или *Fliederweg* = Дорога сирени → ул. *Доргомыжского*).

При этом, вопреки идеологической окраске мемориальных урбанонимов, восходящих к фамилиям немецких и австрийских композиторов, 11 из 13 названий этого ансамбля были изначально переведены на русский язык, вследствие чего на планах послевоенного Калининграда появились улицы *Генделя*, *Бетховена*, *Брамса* (бывшие *Händelstraße*, *Beethovenstraße*, *Brahmsstraße*) и т.п. Два оставшихся урбанонима (*Jensenstraße* и *Lortzingstraße*) не подверглись переводу, а были заменены на урбанонимы *перулок Красный* и ул. *Овражная* соответственно, вероятно, потому, что советские власти не были знакомы с творчеством местного композитора Адольфа Иенсена и основателя немецкой комической оперы Густава Альберта Лорцинга. С одной стороны, это обстоятельство иллюстрирует непоследовательность инициаторов переименования, но, с другой стороны, оно же демонстрирует высокую оценку вклада немецких музыкантов в сокровищницу мировой культуры.

Лексико-семантические группы исходных и новых урбанонимов

Важной задачей исследования стал сравнительный анализ основных лексико-семантических групп исходных и новых урбанонимов, который показал наличие значительных сходств в самих наборах признаков, положенных в основу номинаций восточно-прусских улиц и улиц советской Калинин-

градской области. В связи с относительно низкой представленностью случаев репрезентации многих из таких признаков ниже приводится перечень, включающий лишь первые по частотности 11 позиций подобных лексико-семантических групп.

Для немецких урбанонимов данные позиции выглядят следующим образом:

1. Мемориальные урбанонимы (337): *Hoffmannstraße* = улица Гофмана, *Kaiser-Wilhelm-Platz* = площадь императора Вильгельма, *Kantstraße* = улица Канта.

2. Номинации, образованные от местных ойконимов (175): *Neukuhrener Weg* = Нойкурнская дорога, *Laptauer Straße* = улица на Лаптау, *Cranzer Allee* = аллея Кранца.

3. Номинации по близлежащему сооружению (106): *Bahnhofswallstraße* = улица привокзального вала, *Kirchenweg* = церковная дорога, *Börsenstraße* = биржевая улица.

4. Фитофорные урбанонимы (65): *Oleanderweg* = дорога олеандров, *Tan-nenallee* = еловая аллея, *Nelkenweg* = дорога гвоздик.

5. Зоофорные урбанонимы (30): *Meisenweg* = дорога синиц, *Hasenweg* = дорога зайцев, *Möwenweg* = дорога чаек.

6. Названия, производные от военных терминов (28): *Grenadierweg* = дорога гренадеров, *Musketierweg* = дорога мушкетеров, *Admiralstraße* = адмиральская улица.

7. Урбанонимы, образованные от обозначений основных видов деятельности людей на улице (26): *Gewerbestraße* = ремесленная улица, *Rennweg* = дорога для гонок, *Marktplatz* = рыночная площадь.

8. Отгидронимные урбанонимы (25): *Memelstraße* = улица реки Мемель, *Saarstraße* = улица реки Заар, *Pregelstorstraße* = улица-ворота к Преголе.

9. Урбанонимы, закрепляющие профессиональную принадлежность людей, проживающих на улице (22): *Schneiderstraße* = улица портных, *Steinmetzstraße* = улица каменотесов, *Bäckergasse* = улочка пекарей.

10. Урбанонимы, отражающие рельеф местности (15): *Gartenberg* = садовая гора, *Bergstraße* = горная улица, *Hohe Straße* = высокая улица.

11. Урбанонимы, указывающие на внешний вид улицы (13): *Grünstraße* = зеленая улица, *Schwarzer Weg* = черная дорога, *Ringstraße* = кольцевая улица.

Среди новых урбанонимов, в свою очередь, одиннадцать наиболее распространенными лексико-семантическими группами являются:

1. Мемориальные урбанонимы (337): ул. Гагарина, ул. Кутузова, ул. Лермонтова.

2. Урбанонимы, образованные от обозначений основных видов деятельности людей на улице (107): ул. Лесопильная, ул. Монтажная, ул. Спортивная.

3. Номинации по близлежащему сооружению (92): ул. Библиотечная, ул. Больничная, ул. Вокзальная.

4. Названия, фиксирующие значимые символы коммунизма (85): ул. Колхозная, ул. Пионерская, ул. Пролетарская.

5. Номинации, образованные от ойконимов из других регионов СССР (68): ул. *Белгородская*, ул. *Елецкая*, ул. *Казанская*.

6. Урбанонимы, обозначающие местоположение улицы (51): ул. *Восточная*, ул. *Набережная*, ул. *Тушиковская*.

Фитофорные урбанонимы (51): ул. *Еловая аллея*, ул. *Кашитановая*, ул. *Яблочная*.

7. Названия, производные от военных терминов (47): ул. *Артиллерийская*, ул. *Офицерская*, ул. *Фронтальная*.

8. Урбанонимы, восходящие к другим урбанонимам (28): *переулок Комсомольский*, ул. *Малая Набережная*, *переулок Пионерский*. В основном к этой группе относятся названия переулков по названиям примыкающих к ним улиц.

9. Отгидронимные урбанонимы (22): ул. *Днепровская*, ул. *Ладожская*, ул. *Черноморская*.

10. Урбанонимы, отражающие качественный состав дороги (19): ул. *Гравийная*, ул. *Земная*, ул. *Кварцевая*.

11. Номинации, образованные от калининградских ойконимов (17): *Жилинское шоссе*, ул. *Калининградская*, ул. *Старая Тильзитская*.

При сравнении наборов лексико-семантических групп, к которым относятся урбанонимы Северо-Восточной Пруссии и Калининградской области соответственно, выяснился факт почти полного их совпадения. Особенно бросаются в глаза следующие четыре сходства данных урбанонимов:

1. Самыми распространенными в обеих выборках являются мемориальные номинации, причем удивительным образом количества таких исходных и новых названий улиц оказались абсолютно идентичными. Большинство фамилий, к которым восходят урбанонимы-посвящения, принадлежат политикам (*Otto-Reinke-Straße*, *Bruno-Schaffrinski-Straße*; ул. *Свердлова*, ул. *Держинского*), военнослужащим (*General-Litzmann-Straße*, *Wever-Straße*; ул. *Адмирала Макарова*, ул. *Осипенко*) и писателям (*Arno-Holz-Straße*, *Johanna-Wolff-Straße*; ул. *Лескова*, ул. *Салтыкова-Щедрина*). В то время как среди исходных мемориальных урбанонимов преобладают фамилии деятелей донацистского периода (306 из 337 единиц), в массиве новых мемориальных урбанонимов над фамилиями представителей досоветской России преобладают фамилии советских людей (225 единиц), что не исключает образования 37 номинаций от имен иностранцев, результаты работы которых характеризуются идеологической близостью к идеям советского государства (ул. *Карла Маркса*, ул. *Тельмана*, ул. *Марата* и т.п.).

49,9% восточно-пруссских посвящений увековечивают личностей, деятельность которых была так или иначе связана с регионом, где находится улица (например, улица *Albrechtstraße* в городе Тильзите носила имя герцога Альбрехта – основателя Кенигсбергского университета, а *Aschmannallee* в городе Кенигсберге – фамилию крупного предпринимателя, владельца винного дома в прусской столице). В русскоязычном материале аналогичные посвящения составляют лишь 4,4% (в частности, ул. *Малахова* в городе

Гусеве и ул. *Корнева* в поселке Добровольске получили имена советских военнослужащих, участвовавших в Восточно-Прусской наступательной операции), что легко объясняется лишь начавшимся заселением территорий советскими переселенцами, не успевшими за короткий срок проявить себя на новых землях.

2. Третье место по частотности в обеих сравниваемых лексико-семантических группах урбанонимов принадлежит номинациям по близлежащему сооружению. При этом как исходные, так и новые названия улиц обычно отсылают к различным объектам, отражая быстрые изменения в пространстве задействованных поселений, что иллюстрируется парами реноминаций *Mühlenstraße* = мельничная улица → ул. *Школьная*, *Hafenstraße* = портовая улица → ул. *Фабричная*, *Schleusenstraße* = шлюзовая улица → ул. *Складская*.

3. В обеих выборках значимую позицию занимают урбанонимы, фиксирующие основной вид деятельности людей на улице, хотя в количественном отношении они более ярко представлены в массиве новых географических названий. Вместе с тем во многих случаях новые номинации такого рода следует считать весьма условными, поскольку улицы вновь образованной области, как правило, назывались не по тому виду деятельности, который в действительности осуществлялся в соответствующем районе, а в честь самого этого вида деятельности (пример – улицы *Портновская*, *Металлургическая* и *Агрономическая* в послевоенном Калининграде).

4. Многие урбанонимы как до войны, так и после нее были образованы от местных ойконимов, однако исходные отойконимные номинации такого рода значительно превосходят по своей частотности новые отойконимные названия, преобладающее большинство которых восходит к ойкониму *Калининград*. На местных послевоенных картах гораздо чаще фигурируют урбанонимы, производные от названий различных населенных пунктов СССР, из которых прибыли в область колхозники-переселенцы.

Говоря об отличиях лексико-семантических групп исходных и новых урбанонимов региона, прежде всего, необходимо остановиться на трех ключевых моментах:

1. При высокой релевантности в городах Северо-Восточной Пруссии названий, отражающих специфику фауны, населения, рельефа и внешнего вида именуемых улиц (примеры таких урбанонимов приведены выше), отмечается присутствие на картах Калининградской области лишь единичных представителей этих лексико-семантических групп урбанонимов (в частности, ул. *Соколиная*, ул. *Русская Набережная*, ул. *Горная*, ул. *Зеленая*).

2. Обратное количественное соотношение можно констатировать применительно к урбанонимам, фиксирующим качественный состав дороги или восходящим к названиям других улиц и ойконимам, завезенным с территорий, более или менее отдаленных от самих переименованных улиц. Если русскоязычные примеры таких номинаций были приведены при описании наиболее частотных лексико-семантических групп урбанонимов, то их немецкоязычными примерами служат наименования *Steinstraße* = каменная

улица, *Große Gerberstraße* = большая кожевенная улица (при условии наличия поблизости улицы *Kleine Gerberstraße* = малая кожевенная улица), *Salzburger Straße* = Зальцбургская улица.

3. Только среди новых урбанонимов по очевидным идеологическим причинам регистрируются названия, отсылающие к значимым символам коммунизма, и по неясным причинам на фоне отсутствия оценочных номинаций улиц в Северо-Восточной Пруссии отмечается присутствие относительно небольшого числа оценочных урбанонимов, причем все они дают положительную оценку улицы (шесть случаев типа ул. *Светлая*).

Заключение

В целом кампания по переименованию улиц в населенных пунктах изучаемого региона характеризуется высокой степенью противоречивости и непоследовательности в реализации связанных с ней тенденций, как, впрочем, и проведенные на тех же территориях кампании по переименованию населенных пунктов и природных объектов. Признаками непоследовательности являются, например, однозначное преобладание независимых переименований над согласованными, а также совершенная произвольность выбора в пользу согласования или несогласования названий улиц.

Несмотря на это обстоятельство, наборы основных лексико-семантических групп исходных и новых урбанонимов демонстрируют больше общих черт, чем отличий. Кроме того, при межъязыковом сравнении обнаружилось почти полное совпадение долей немецких и русских урбанонимов, несущих идеологию задействованных государств (57,7 против 55,3% соответственно, то есть в Северо-Восточной Пруссии подобных номинаций оказалось даже немного больше, чем позднее в Калининградской области).

Таким образом, региональная урбанонимия претерпела в 1940-е гг. кардинальные изменения, которые в полной мере отразили несовпадения в опыте освоения пространства, свойственные носителям двух сравниваемых топонимических систем. В результате замены урбанонимов здесь сложилась топосистема, функционирующая по тем же законам, что и среднестатистические системы различных областей в европейской части Российской Федерации. Вместе с тем конкретные наблюдения позволяют говорить о сходстве в подходах к номинативной деятельности при изначальных наименованиях, с одной стороны, и при переименованиях – с другой.

Список источников

1. *Жучкевич В.А.* Общая топонимика. Минск : Вышэйшая школа, 1968. 432 с.
2. *Крюков П.А.* Роль экстралингвистического фактора в формировании немецкого топонимикона (на примере идеологической компоненты в Северной и Восточной Германии в период с 1933 по 1990-е гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2011. № 6. С. 133–138.
3. *Разумов Р.В.* Процесс переименования объектов в Российской Федерации в 1990–2000-е гг. как особая социокультурная практика // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 196–204.

4. *Гусарова Л.Н.* Имена собственные современного немецкого языка: коммуникативно-прагматический, семиотико-культурологический и гендерный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2005. 23 с.
5. *Шишкина Д.Ю.* Из истории переименования населенных пунктов в области войска Донского // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2010. № 3. С. 139–144.
6. *Лангенфельд М.* Процесс переименований в Калининградской области // Калининградские архивы. Вып. 9. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С. 158–171.
7. *Калуцков В.Н.* Изменение геокультурного пространства стран Ближнего Зарубежья в XX–XXI вв. (на материале переименования городов) // Псковский регионологический журнал. 2021. № 2. С. 99–116.
8. *Терентьев Е.А.* Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2014. № 3. С. 73–86.
9. *Ильин Д.Ю.* Трансформация ойконимических наименований в топонимике региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10. С. 63–68.
10. *Мартыненко И.А.* Механизмы переименования испаноязычных топонимических единиц // IV Фирсовские чтения: Язык в современных дискурсивных практиках. М. : Российский ун-т дружбы народов, 2019. С. 266–271.
11. *Попов С.А.* О роли законодательных органов государственной власти субъектов РФ в регулировании топонимической номинации // Нефилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 491–501.
12. *Матвеев А.К.* Тенденции и практики в современной урбаноминации // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 100–105.
13. *Шемчук Ю.М.* Типология отношений обновленных номинаций с заменяемыми лексемами при переименовании // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 80–83.
14. *Павлов А.В.* Текст или палимпсест: феномен возврата к историческим истокам в топонимике // Тульская историческая весна – 2021: Социальное пространство и время прошлого. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2021. С. 183–189.
15. *Никитин С.А.* Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : Ин-т языкознания РАН, 2003. 17 с.
16. *Кириллова Л.Е., Семенова М.А.* Трансформация удмуртских географических названий // Научный диалог. 2018. № 8. С. 9–33.
17. *Демьянов К.В.* Процессы переименований городов и улиц в СССР: к вопросу о периодизации и локальной специфике // Молодежь третьего тысячелетия. Омск : Изд-во ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 219–223.
18. *Мозговой В.И.* Уроки идеологизации онимного пространства // Ономастика Поволжья. Оренбург : Оренбургский гос. пед. ун-т, 2021. С. 53–56.
19. *Шульгина О.В.* Историко-географический подход в изучении топонимики российских регионов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Естественные науки». 2016. № 2 (22). С. 84–93.
20. *Frobarth V.* Das Königsberger Gebiet in der Politik der Sowjetunion 1945–1990. Berlin : Arno Spitz, 2001. 297 S.
21. *Langenfeld M.* Umbenennungsprozesse im Kaliningrader Gebiet. Kiel : Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, 2010. 108 S.
22. *Маслов В.Н.* Создание Кенигсбергской области и ее переименование в 1946 году // Калининградские архивы. 2014. № 11. С. 99–109.

23. *Костяшов Ю.В.* Кампания по переименованию в Вармии и Мазурах после Второй мировой войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2016. № 3. С. 13–25.

24. *Маслов В.Н.* Переименование районных центров Калининградской области в 1946 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 12. С. 58–69.

25. *Маслов В.Н.* Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов Калининградской области (октябрь–ноябрь 1946 г.) // Калининградские архивы. 2019. № 16. С. 84–123.

26. *Маслов В.Н.* Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 100–107.

27. *Маслов В.Н.* Переименование населенных пунктов Калининградской области во второй половине 1940-х годов: литовская альтернатива // Общество и власть в императорской России, СССР и современной Российской Федерации. М. : Московский пед. гос. ун-т, 2018. С. 245–253.

28. *Meckelein W.* Ortsumbenennungen und -neugründungen im europäischen Teil der Sowjetunion. Berlin : Duncker & Humblot, 1955. 134 S.

29. *Room A.* Placenames of the world: origins and meanings of the names for 6600 countries, cities, territories, natural features and historic sites. Jefferson : McFarland, 2006. 433 p.

30. *Benson S.* Ortsnamenwechsel: Interessenkonflikt und Kulturkonflikt // Ortsnamenwechsel. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1986. S. 96–106.

31. *Губин А.Б.* Топонимия Калининграда. Реки и водоемы // Калининградские архивы. 2007. № 7. С. 197–228.

32. *Губин А.Б.* Топонимия Калининграда. Районы и поселки // Калининградские архивы. 2004. № 6. С. 173–200.

33. *Губин А.Б.* Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. № 5. С. 139–196.

34. *Материалы* о переименовании улиц, площадей и парков города Калининграда // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 310. Оп. 7. Д. 1. Л. 1–32.

35. *Приказ* Управления по гражданским делам Советского района № 152 от 12.12.1946 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 2.

36. *Приказ* Управления по гражданским делам Хайнрихсвальдского района № 2 от 30.07.1946 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 2.

37. *Landkarten* West- und Ostpreußen. URL: <https://www.blochplan.de/k/landkarten/ostpreussen-westpreussen/> (дата обращения: 22.07.2024).

38. *Stadtplan* Labiau. URL: <https://sun9-35.userapi.com/impf/c849424/v849424233/3ad91/5yzeeXxDnXo.jpg?size=2560x1916&quality=96&sign=3644fda9e01d95a96447e2fa7f296086&type=album> (дата обращения: 22.07.2024).

39. *Улицы* Балтийска (Пиллау). URL : <https://russian-west.narod.ru/gorod/ulitsy/ulitsy.htm> (дата обращения: 22.07.2024).

40. *Улицы* города Черняховска. URL: <https://www.angrapa.ru/chernyakhovsk/3106-ulitsy-nashego-goroda.html> (дата обращения: 22.07.2024).

41. *Мюльфорд Х.М.* Кенигсберг от А до ЗЕТ // Балтийский альманах. 2015. № 14. С. 83–188.

References

1. Zhuchkevich, V.A. (1968) *Obshchaya toponimika* [General Toponymy]. Minsk: Vysheyschaya shkola.

2. Kryukov, P.A. (2011) Rol' ekstralingvisticheskogo faktora v formirovanii nemetskogo toponimikona (na primere ideologicheskoy komponenty v Severnoy i Vostochnoy Germanii v period s 1933 po 1990-e gg.) [The role of the extralinguistic factor in the formation of the German toponymicon (on the example of the ideological component in Northern and Eastern Germany from 1933 to the 1990s)]. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Seriya "Lingvistika"*. 6. pp. 133–138.

3. Razumov, R.V. (2020) Protsess pereimenovaniya ob"ektov v Rossiyskoy Federatsii v 1990–2000-e gg. kak osobaya sotsiokul'turnaya praktika [The process of renaming objects in the Russian Federation in the 1990s–2000s as a special socio-cultural practice]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 4 (23). pp. 196–204.

4. Gusarova, L.N. (2005) *Imena sobstvennye sovremennogo nemetskogo yazyka: kommunikativno-pragmaticheskii, semiotiko-kul'turologicheskii i gendernyy aspekt* [Proper names of the modern German language: communicative-pragmatic, semiotic-culturological and gender aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ivanovo.

5. Shishkina, D.Yu. (2010) Iz istorii pereimenovaniya naseleennykh punktov v oblasti voyska Donskogo [From the history of renaming settlements in the Don Host Oblast]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 3. pp. 139–144.

6. Langenfel'd, M. (2011) Protsess pereimenovaniy v Kaliningradskoy oblasti [The renaming process in the Kaliningrad region]. In: *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad Archives]. Issue 9. Kaliningrad: I. Kant BFU. pp. 158–171.

7. Kalutskov, V.N. (2021) Izmenenie geokul'turnogo prostranstva stran Blizhnego Zarubezh'ya v XX–XXI vv. (na materiale pereimenovaniya gorodov) [Change in the geo-cultural space of the countries of the Near Abroad in the 20th–21st centuries (based on the renaming of cities)]. *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal*. 2. pp. 99–116.

8. Terent'ev, E.A. (2014) Toponimicheskie praktiki kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovaniya: analiticheskii obzor [Toponymic practices as an object of sociological research: an analytical review]. *Vestnik Rossiyskogo un-ta druzhby narodov. Seriya "Sotsiologiya"*. 3. pp. 73–86.

9. Il'in, D.Yu. (2011) Transformatsiya oykonimicheskikh naimenovaniy v toponimike regiona [Transformation of oikonymic names in the toponymy of the region]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta*. 10. pp. 63–68.

10. Martynenko, I.A. (2019) Mekhanizmy pereimenovaniya ispanoyazychnykh toponimicheskikh edinit [Mechanisms for renaming Spanish-language toponymic units]. In: *IV Firsovskie chteniya: Yazyk v sovremennykh diskursivnykh praktikakh* [IV Firsov Readings: Language in Modern Discursive Practices]. Moscow: RUDN. pp. 266–271.

11. Popov, S.A. (2019) O roli zakonodatel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub"ektov RF v regulirovanii toponimicheskoy nominatsii [On the role of legislative bodies of state power of the subjects of the Russian Federation in regulating toponymic nomination]. *Neofilologiya*. 5 (20). pp. 491–501.

12. Matveev, A.K. (2009) Tendentsii i praktiki v sovremennoy urbanominatsii [Trends and practices in modern urban nomination]. *Voprosy onomastiki*. 7. pp. 100–105.

13. Shemchuk, Yu.M. (2010) Tipologiya otnosheniy obnovlennykh nominatsiy s zamenyaemyimi leksemami pri pereimenovanii [Typology of relations of updated nominations with replaced lexemes during renaming]. *Vestnik Gumanitarnogo in-ta Tol'yattinskogo gos. un-ta*. 1. pp. 80–83.

14. Pavlov, A.V. (2021) Tekst ili palimpsest: fenomen vozvrata k istoricheskim istokam v toponimike [Text or palimpsest: the phenomenon of return to historical origins in toponymy]. In: *Tul'skaya istoricheskaya vesna – 2021: Sotsial'noe prostranstvo i vremya proshlogo* [Tula Historical Spring – 2021: Social Space and Time of the Past]. Tula: TSPU. pp. 183–189.

15. Nikitin, S.A. (2003) *Lingvisticheskie aspekty pereimenovaniy geograficheskikh ob"ektov v Rossii* [Linguistic aspects of renaming geographical objects in Russia]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

16. Kirillova, L.E. & Semerova, M.A. (2018) Transformatsiya udmurtskikh geograficheskikh nazvaniy [Transformation of Udmurt geographical names]. *Nauchnyy dialog*. 8. pp. 9–33.

17. Dem'yanov, K.V. (2019) Protsessy pereimenovaniy gorodov i ulits v SSSR: k voprosu o periodizatsii i lokal'noy spetsifike [Processes of renaming cities and streets in the USSR: on the issue of periodization and local specifics]. In: *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya* [Youth of the Third Millennium]. Omsk: OSU. pp. 219–223.

18. Mozgovoy, V.I. (2021) Uroki ideologizatsii onimnogo prostranstva [Lessons of ideologization of onymic space]. In: *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region]. Orenburg: OSPU. pp. 53–56.

19. Shul'gina, O.V. (2016) Istoriko-geograficheskiy podkhod v izuchenii toponimiki rossiyskikh regionov [Historical-geographical approach in the study of toponymy of Russian regions]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo ped. un-ta. Seriya "Estestvennyye nauki"*. 2 (22). pp. 84–93.

20. Frobarth, V. (2001) *Das Königsberger Gebiet in der Politik der Sowjetunion 1945–1990*. Berlin: Arno Spitz.

21. Langenfeld, M. (2010) *Umbenennungsprozesse im Kaliningrader Gebiet*. Kiel: Christian-Albrechts-Universität zu Kiel.

22. Maslov, V.N. (2014) Sozdanie Kenigsbergskoy oblasti i ee pereimenovanie v 1946 godu [The creation of the Königsberg region and its renaming in 1946]. *Kaliningradskie arkhivy*. 11. pp. 99–109.

23. Kostyashov, Yu.V. (2016) Kampaniya po pereimenovaniyu v Varmii i Mazurakh posle Vtoroy mirovoy voyny [The renaming campaign in Warmia and Masuria after World War II]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo un-ta im. I. Kanta. Seriya "Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki"*. 3. pp. 13–25.

24. Maslov, V.N. (2014) Pereimenovanie rayonnykh tsentrov Kaliningradskoy oblasti v 1946 godu [Renaming of district centers of the Kaliningrad region in 1946]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo un-ta im. I. Kanta*. 12. pp. 58–69.

25. Maslov, V.N. (2019) Predlozheniya rayonnykh vlastey o pereimenovanii tsentrov sel'skikh sovetov Kaliningradskoy oblasti (oktyabr'-noyabr' 1946 g.) [Proposals of district authorities on renaming the centers of village soviets of the Kaliningrad region (October–November 1946)]. *Kaliningradskie arkhivy*. 16. pp. 84–123.

26. Maslov, V.N. (2016) Sovetskaya akademicheskaya nauka i formirovanie istoricheskoy pamyati pri pereimenovanii naseleennykh punktov Kaliningradskoy oblasti [Soviet academic science and the formation of historical memory during the renaming of settlements in the Kaliningrad region]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 3. pp. 100–107.

27. Maslov, V.N. (2018) Pereimenovanie naseleennykh punktov Kaliningradskoy oblasti vo vtoroy polovine 1940-kh godov: litovskaya al'ternativa [Renaming of settlements in the Kaliningrad region in the second half of the 1940s: the Lithuanian alternative]. In: *Obshchestvo i vlast' v imperatorskoy Rossii, SSSR i sovremennoy Rossiyskoy Federatsii* [Society and Power in Imperial Russia, the USSR and the Modern Russian Federation]. Moscow: MPSU. pp. 245–253.

28. Meckelein, W. (1955) *Ortsumbenennungen und -neugründungen im europäischen Teil der Sowjetunion*. Berlin: Duncker & Humblot.

29. Room, A. (2006) *Placenames of the world: origins and meanings of the names for 6600 countries, cities, territories, natural features and historic sites*. Jefferson: McFarland.

30. Benson, S. (1986) Ortsnamenwechsel: Interessenkonflikt und Kulturkonflikt. In: *Ortsnamenwechsel*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. pp. 96–106.

31. Gubin, A.B. (2007) Toponimiya Kaliningrada. Reki i vodoemy [Toponymy of Kaliningrad. Rivers and reservoirs]. *Kaliningradskie arkhivy*. 7. pp. 197–228.

32. Gubin, A.B. (2004) Toponimiya Kaliningrada. Rayony i poselki [Toponymy of Kaliningrad. Districts and settlements]. *Kaliningradskie arkhivy*. 6. pp. 173–200.

33. Gubin, A.B. (2003) Toponimiya Kaliningrada [Toponymy of Kaliningrad]. *Kaliningradskie arkhivy*. 5. pp. 139–196.

34. Anon. (n.d.) Materialy o pereimenovanii ulits, ploshchadey i parkov goroda Kaliningrada [Materials on the renaming of streets, squares and parks of the city of Kaliningrad]. In: *Materialy Gosudarstvennogo arkhiva Kaliningradskoy oblasti* [Materials of the State Archive of the Kaliningrad Region]. Fund 310. List 7. File 1. Sheets 1–32.

35. Office for Civil Affairs of the Sovetsky District. (1946) Prikaz Upravleniya po grazhdanskim delam Sovetskogo rayona No. 152 ot 12.12.1946 g. [Order of the Office for Civil Affairs of the Sovetsky District No. 152 of 12.12.1946]. In: *Materialy Gosudarstvennogo arkhiva Kaliningradskoy oblasti* [Materials of the State Archive of the Kaliningrad Region]. Fund R-265. List 2. File 2.

36. Office for Civil Affairs of the Khaynriksvalde District. (1946) Prikaz Upravleniya po grazhdanskim delam Khaynriksval'dskogo rayona No. 2 ot 30.07.1946 g. [Order of the Office for Civil Affairs of the Khaynriksvalde District No. 2 of 30.07.1946]. In: *Materialy Gosudarstvennogo arkhiva Kaliningradskoy oblasti* [Materials of the State Archive of the Kaliningrad Region]. Fund R-305. List 1. File 2.

37. *Landkarten West- und Ostpreußen*. [Online] Available from: <https://www.blochplan.de/k/landkarten/ostpreussen-westpreussen/> (Accessed: 22.07.2024).

38. *Stadtplan Labiau*. [Online] Available from: <https://sun9-35.userapi.com/impf/c849424/v849424233/3ad91/5yzeeXxDnXo.jpg?size=2560x1916&quality=96&sign=3644fda9e01d95a96447e2fa7f296086&type=album> (Accessed: 22.07.2024).

39. *Ulitsy Baltiyska (Pillau)* [Streets of Baltiysk (Pillau)]. [Online] Available from: <https://russian-west.narod.ru/gorod/ulitsy/ulitsy.htm> (Accessed: 22.07.2024).

40. *Ulitsy goroda Chernyakhovska* [Streets of the city of Chernyakhovsk]. [Online] Available from: <https://www.angrapa.ru/chernyakhovsk/3106-ulitsy-nashego-goroda.html> (Accessed: 22.07.2024).

41. Myul'pford, Kh.M. (2015) Kenigsberg ot A do ZET [Königsberg from A to Z]. *Baltiyskiy al'manakh*. 14. pp. 83–188.

Информация об авторе:

Петешова О.В. – канд. филол. наук, доцент Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград, Россия). E-mail: opeteshova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Peteshova, Cand. Sci. (Philology), associate professor at the Institute of Education and Humanities, I. Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: opeteshova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*The article was submitted 21.12.2024;
approved after reviewing 13.01.2025; accepted for publication 23.01.2026.*

*Статья поступила в редакцию 21.12.2024;
одобрена после рецензирования 13.01.2025; принята к публикации 23.01.2026.*